

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ХРАМЫ В ЗАПИСКАХ ИНОСТРАНЦЕВ

Часть 4

ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ВАРВАРЫ В ФОНТАННОМ ДОМЕ¹

Дом фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, героя Северной войны, покорителя Астрахани, Эстляндии и Лифляндии, был построен на берегу реки Фонтанки, тогда еще Безыменного Ерика, в 1712–1719 годах; тогда же в доме была устроена церковь. Б. П. Шереметев умер в 1719 году; усадьба на Фонтанке перешла к младшему сыну Б. П. Шереметева Петру, которому в год смерти его 67-летнего отца исполнилось всего шесть лет.

В конце 1730-х — начале 1740-х годов П. Б. Шереметев на месте деревянного дома построил большой каменный дворец, перестроенный в 1750–1754 годах архитектором С. И. Чевакинским при участии В. В. Растрелли. Во дворец была перенесена домовая церковь, освященная еще в старом деревянном доме в 1733 году во имя святой великомученицы Варвары. Пела в церкви знаменитая «Шереметевская капелла», один из лучших частных хоров России. После смерти в 1788 году графа П. Б. Шереметева хозяином дворца стал его сын Николай Петрович Шереметев. При Дмитрие Николаевиче Шереметеве и его сыне графе Сергее Дмитриевиче, талантливом историке, председателе Археографической комиссии и Общества любителей древней письменности, церковь Фонтанного дома, интерьер которой обновлялся в 1837 году и вторично в 1857 году по проекту архитектора Иеронима Доминиковича Корсини, была одной из лучших в Петербурге².

11 марта 1857 года эту церковь посетил испанский писатель Хуан Валера, чтобы «слушать мессу Святого Григория Великого, называемую „О святых дарах“». Будучи католиком, он называет православную литургию «мессой»; из дальнейшего повествования явствует, что речь идет о литургии Преждеосвященных Даров, совершающейся во время Великого поста.

«Мы слушали ее в церкви графа Шереметева, одного из самых могущественных магнатов России, у которого сто пятьдесят тысяч крепостных и соответственное коли-

---

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Дворец графов Шереметевых (набережная Фонтанки, 34).

² Шульц С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994. С. 161.

чество земель, — вспоминал Хуан Валера. — Его дворец великолепен. Стены украшают прекрасные картины, итальянские и фламандские. Капелла — сокровище византийских икон, в золоте, серебре и драгоценных камнях. Там имеются священнические одеяния, вышитые жемчугами, рубинами и изумрудами. Восемьдесят певцов всех возрастов славят Господа. Хлеб и вино освящены с воскресенья и во время этой мессы не освящались. Евангелие не пели; из святая святых, или как это называется, вышел пресвитер со свечой, символом божественного света. Все, когда явился этот свет, пали ниц, и я с ними. Все время нужно было падать на колени в пыль и бить челом.

Был момент, когда трое юношей из хора предстали перед иконостасом и запели удивительной красоты гимн, песнь, пришедшую из Греции, родины прекрасного. Это была песнь о трех вавилонских юношах, что находились в горниле и не горели. Хор отвечал им, изображая ангелов, подбадривающих молодых людей. Все это выглядело драматично, очень поэтично и торжественно. Но самый торжественный и трогательный момент настал, когда вдруг растворились ворота иконостаса, и в то время как хор выводил, сопровождаемый дивной музыкой: „Уже души спускаются с неба, они с нами, хотя и не видимы, они участвуют в священном жертвоприношении“, священник продвинулся вперед размеренным и торжественным шагом, длиннобородый, с развевающимися волосами, в сутане, неся чашу с вином и хлеб. В это мгновение, как говорит святой Иоанн в Апокалипсисе, все упали, как мертвые, к ногам священника; он поставил чашу на свою голову и так предстал перед верующими. Пели также очень нежную молитву святому Ефрему, сирийскому священнослужителю; много литаний и гимн Деве Марии. После того как священник причастился, нам всем раздали *антидот*³, или освященный хлеб. Я взял пару кусочков, и они не показались мне невкусными, либо потому что благословение делает их более вкусными, чем обычно, либо потому что я был голоден»⁴.

В церкви хранился образ святой великомученицы Варвары, писанный на яшме, и Распятие, вырезанное на большом желтом топазе. В церкви находились также:

1. Образ Святой Троицы, писанный на древе Мамврийского дуба.
2. Образ Тихвинской Божией Матери с кольцом великомученицы Варвары и надписью: «Сим образом благословила Марья Юрьевна Черкасская зятя своего Б. П. Шереметева».
3. Образ Иерусалимской Божией Матери в серебряном киоте с частицами крови Иисуса Христа, древа Креста Господня и ризы Пресвятой Богородицы.
4. Образ Феодоровской иконы Божией Матери в серебряной ризе, украшенной множеством изумрудов и яхонтов.
5. Образ Спаса Нерукотворного в золоченом окладе.
6. Серебряный вызолоченный крест с частицей Гроба Господня, принадлежавший дяде Петра I Льву Кирилловичу Нарышкину.
7. Серебряный вызолоченный крест с частицами мощей младенцев, избивенных Иродом.
8. Алмазный наперсный крест, данный гетманом Скоропадским при крещении графу Петру Борисовичу Шереметеву.
9. Серебряный вызолоченный крест с частицами мощей.
10. Два больших напестольных Евангелия печати 1677 и 1681 годов.

³ Автор допустил неточность: антидор. Антидор (греч. — вместо дарие) — это части просфоры, из которой был вынут Агнец для совершения таинства Евхаристии, раздаваемый молящимся по окончании литургии (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. СПб., 1913. С. 174).

⁴ Валера Хуан. Письма из России. СПб., 2001. С. 231–232.

11. Старинные парчовые ризы с черными бархатными оплечьями, шитые золотом и серебром, низанные жемчугом и украшенные драгоценными камнями.

12. Мальтийский, Андреевский ордена и орден Святого Станислава, принадлежавшие фельдмаршалу Б. П. Шереметеву⁵.

...В конце 1917 года церковь Фонтанного дома была закрыта; сразу же после революции началось изъятие хранившихся в доме ценностей. Было принято решение организовать в Шереметевском дворце «Музей помещичьего быта»; позже дворец поочередно передавался Политпросвету, Государственному астрономическому институту и другим организациям; с 1930-го по 1987 год здесь размещался Институт Арктики и Антарктики. С 1921-го по 1941 год в левом флигеле Фонтанного дома жила Анна Андреевна Ахматова, написавшая здесь «Реквием» и начальный вариант «Поэмы без героя». В 1987 году здание дворца было передано Русскому музею⁶.

ЦЕРКОВЬ МАРИИНСКОГО ДВОРЦА

Пользуясь благорасположением членов императорской фамилии, любознательные иностранцы без труда посещали дворцовые храмы Петербурга. Не была обойдена их вниманием и церковь Мариинского дворца, освященная 17 января 1845 года во имя святого Николая Чудотворца. Впрочем, интерьер храма продолжали отделывать и после. Некоторые заказы были размещены в мастерских Парижа. В частности, над проектом дарохранильницы работал знаменитый французский мастер Э. Виолле Ле Дюк, а консультировал его священник русской посольской церкви. Образ Марии Магдалины для композиции «Мария Магдалина и Спаситель» был взят из Евангелия IX века собрания Парижской национальной библиотеки⁷.

Незадолго до окончания всех работ Теофиль Готье издал в Париже альбом, посвященный дворцу, где пишет и о церкви: «Маленькая молельня содержит любопытную коллекцию святых образов. Все эти маленькие иконы, выполненные по неизменному канону православной религии, покрывают от плинтуса до фриза высокие стены этой молельни, с вечно горящими лампадками, которые освещают мерцающим светом святых дев, их смуглые лики и руки в окладах, с золотыми нимбами, более таинственных и более отмеченных религиозным чувством в своей священной неподвижности, чем многие живописные произведения более совершенного исполнения»⁸.

Здесь речь идет о молельне при домово́й церкви великой княгини Марии Николаевны. «Эта маленькая молельня помещается около домово́й церкви, построенной в византийском стиле»⁹, — читаем в старом описании храма. Молельня в византийском стиле содержала, однако, и элементы западной живописи. Порой это было лишь внешнее сходство, обусловленное тем, что восточные и западные иконописцы в своем творчестве нередко основывались на сюжетах раннехристианского искусства. Завершая описание царских врат молельни, отечественный искусствовед И. Некрасов отмечал: «Не можем не сказать того, что хотя изображение Благовещения на двух отдельных досках и составляет исключительную особенность в нашей иконописи, но нельзя сказать того, чтобы то же не встречалось в западной живописи»¹⁰.

⁵ Шульц С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994. С. 161.

⁶ Там же. С. 161–162.

⁷ Харламов И. Н. Возрождается дворцовая церковь // Ленинградская панорама, 1988, № 12. С. 34.

⁸ Цит. по: Харламов И. Н. Указ. соч. С. 34–35.

⁹ Некрасов И. Молельня при церкви Мариинского дворца в Петербурге // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1870, июль—сентябрь. Кн. 3. Отд. 5. С. 130.

¹⁰ Там же. С. 133.

Еще одна византийская композиция молельни перекликалась с западной. Искусствовед отмечает, что третий ряд иконостаса «начинается князем Всеволодом с церковью в руках, так как он был строителем Троицкого собора в Пскове, как на древних мозаиках какой-нибудь папа, строитель церкви, подобно тому как в одной франкфуртской церкви (Liebfrauen Kirche) основатель ее в барельефе изображен с церковью в руках»¹¹.

Хотя иконы молельни были выполнены в византийском стиле, композиция некоторых из них восходила к западным образцам. Такова была икона, изображавшая Архангела с крестом в руках. «Он стоит перед Богородицей, у Которой на правой руке Христос Младенец. Последний как бы с испугом смотрит на крест, отвертываясь от него плечом и держа в правой руке свиток. Идея этой иконы, без сомнения, та, что Христос прозревает, глядя на крест, свои будущие страдания», — пишет И. Некрасов, отмечая при этом, что «в этой иконе Он (Христос. — *Авт.*) является не Недреманным Оком, покойно прозревающим свои будущие страдания, а человечески, боязливо предчувствующим их»¹². По словам того же искусствоведа, «это движение, приданное Младенцу, по оттенку своей мысли, скорее, идет к западному искусству, в котором мы встречаем иногда перед храмом десятки херувимов, которые держат орудия страданий. На земле между Богородицей и Ангелом стоит зеленый с золотом цветок, обыкновенный при Благовещении в западной живописи»¹³.

Вот еще одно любопытное замечание того же исследователя, но уже по поводу другой иконы, помещенной в молельне: «На правой стороне доски изображено сотворение мира и грехопадение, в середине изображено видение Иоанна писателя лествицы (Лествичника. — *Авт.*). Как тот, так и другой предмет равно встречаются и в западной живописи. Образец последнего предмета можно видеть в Болонской пинакотеке»¹⁴.

В конце 1850-х годов великая княгиня Мария Николаевна пожелала украсить живописью стены и перекрытия придворного храма. Она обратилась к вице-президенту Академии художеств живописцу князю Г. Г. Гагарину, который сделал эскизы для церкви, а художник М. Н. Трошинский расписал стены в манере, подражающей старинной византийской живописи. Картины были выполнены на золотом фоне и имитировали мозаику.

...После 1917 года богослужения в храме прекратились; иконостас дворцовой церкви был утрачен. В 1939 году Мариинский дворец был включен в список архитектурных памятников города. Но это не спасло дворцовую церковь: все росписи зашпаклевали, закрасили масляной краской. Здесь был устроен кинозал. Спустя сорок лет, по неумолимой логике истории, были выделены немалые средства на реставрацию храма. Художники-реставраторы под руководством О. К. Оде завершили работы в 1988 году.

Вскоре после этого у группы депутатов тогдашнего Ленсовета, занимавшего Мариинский дворец, появилась мысль возобновить богослужения в некогда закрытой церкви. Осенью 1990 года, когда процедура открытия храмов значительно облегчилась, депутаты обратились к митрополиту Ленинградскому и Ладожскому Иоанну, который благословил создание Николо-Мариинской общины. В число ее учредителей вошло 10 депутатов. Всего православных депутатов в Ленсовете было в то время около 30 человек. Перед ними встала задача — привести храм в порядок: отреставрированный, он по-прежнему пустовал, в нем не было ни алтаря, ни иконостаса. Храм находится на самом верху здания — там, где с внешней стороны укреплены ордена, которыми награжден Ленинград.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 137.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 138.

В июне 1991 года в Управлении юстиции была зарегистрирована община Николо-Мариинской церкви, после чего под председательством архимандрита Симона (ныне — архиепископ Мурманский и Мончегорский) состоялось первое приходское собрание. Предполагалось, что в скором времени накануне и по окончании сессий Городского Совета в дворцовой церкви будут проходить богослужения¹⁵.

В июле 1992 года на приходском собрании Николо-Мариинской церкви было принято обращение к приходам Русской православной церкви, христианам Петербурга и всем верующим. В нем отмечалось, что долгое время верующие находились под неусыпным надзором государственных органов. «И вот осенью 1990 года в связи со вступлением в силу нового российского Закона „О свободе вероисповеданий“ утратило силу Положение 1929 года. Юридически перестали существовать и должны были быть упразднены Совет по делам религий и его уполномоченные на местах. В Петербурге мы целый год жили без надзора и принуждения, свободно обращаясь в случае необходимости в любые государственные органы. За это время многие убедились, что опора на собственные силы гораздо надежнее „помощи“ посредников от КГБ. Но не все... В нарушение Закона, угождая чаяниям „воздыхателей“, мэр Санкт-Петербурга 28 декабря 1991 г. восстановил аппарат уполномоченного под видом отдела по связям с религиозными объединениями города и области. Незаконное распоряжение мэра было отменено малым Советом 11 марта. А 19 марта Собчак внес изменения в положение об отделе, пытаясь привести его в „соответствие с Законом“. Вице-мэр подал протест на решение малого Совета.

В связи с вышеизложенным мы заявляем о решительном несогласии с вопиющим нарушением Закона, выразившемся в восстановлении мэром Санкт-Петербурга органа государственного контроля над Церковью. Мы никогда не признаем каких бы то ни было полномочий противозаконного отдела по связям с религиозными объединениями, независимо от любых распоряжений мэра и вице-мэра. Мы никогда не допустим и на порог нашей внутрицерковной жизни его сотрудников. Призываем всех вас присоединиться к нам. Если большинство верующего народа отвергнет незаконные домогательства власти, отдел по связям сам собою перестанет существовать»¹⁶.

К обращению, подписанному настоятелем игуменом Сергием (Кузьминым), присоединились некоторые приходы церкви Св. Симеона и Анны на Моховой, Покрова Пресвятой Богородицы на Боровой, Св. Петра-митрополита в Улянке, Усекновения главы Иоанна Предтечи на Пискаревском, Андреевский собор, Православное братство Св. Иосифа Волоцкого, «Новые паломники» и иудейская община Санкт-Петербурга.

Действительно, создание отдела было противозаконно, совершенно неясна и его роль. Ведь, скажем, регистрацией уставов занимается Управление юстиции, храмы возвращает Комитет имуществ. А начальник отдела по связям только расписывается и ставит печать. Между тем влияние его усиливалось. Например, вышло распоряжение начальника ГУВД о порядке посещения исправительно-трудовых учреждений, в котором прямо сказано: «Представители религиозных конфессий в обязательном порядке согласовывают свои заявки в отделе по связям с религиозными объединениями». Хотя закон и без того позволяет им посещать тюрьмы. Очевидно, в том же духе собирался действовать отдел и в дальнейшем, ставя под свой контроль многие другие вопросы. Между общинами города фактически произошло размежевание. Митрополия и католические приходы не признают отдел, а представители религиозных меньшинств в основном за восстановление государственной опеки. Почему — это отдельный разговор¹⁷.

¹⁵ Смена, № 148, 29.06.1991.

¹⁶ Степанова Ильмира. Из церкви в Мариинском // Вечерний Петербург, № 163, 15.07.1992. С. 2.

¹⁷ Там же.

...Среди депутатов нового созыва оказались люди верующие. Они решили восстановить тут церковные службы. Здесь уже не раз звучали слова молитв, многие — в том числе и депутаты — приняли крещение. А 9 сентября 1992 года состоялось освящение храма в Мариинском дворце. Его совершил игумен Сергей (Кузьмин). В тот же день впервые переступила порог Никольской церкви девочка из Всеволожска Люба. Ее пригласили для чтения благодарственных молитв по причащении. И — такое совпадение: оказывается, именно в этой домовой церкви императорского дворца до революции крестили во младенчестве ее прадеда, родители которого были крестьянами. До сих пор в семейном архиве хранится выписка из метрической книги... Так что крещения совершались тут когда-то не только для избранных, но и для простого люда. А что же теперь? Посещать церковь смогут только депутаты, их помощники, работники аппарата Совета и мэрии. А обычных горожан в храм постовая служба не пропустит...¹⁸

ХРАМ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Осенью 1711 года на Московской стороне в районе въезда на современный Литейный мост началось строительство Пушечного (Литейного) двора. В непосредственной близости от него по инициативе генерал-фельдцейхмейстера (начальника артиллерии) Я. В. Брюса были отведены три линии для проживания служителей артиллерийского ведомства (современные Шпалерная, Захарьевская и Чайковского улицы). А через 20 лет здесь появился первый деревянный храм, о чем пишет Генрих фон Реймерс: «Еще в 1731 г. здесь была выстроена деревянная церковь во имя св. Сергия, которая в 1738 г. сгорела и в 1739 г. была возобновлена также деревянной»¹⁹.

Деревянная церковь была отстроена в 1739 году по проекту И. Я. Шумахера и просуществовала до 1743 года, после чего под руководством того же архитектора начались работы по возведению каменного храма.

Шумахер Иоганн Якоб, Иван Яковлевич (Schumacher, Johann Jacob, 1701, Кольмар, Эльзас — 1767, Санкт-Петербург) — архитектор немецкого барокко. С 1720 года работал в России. Изучал архитектуру под руководством Н. Ф. Гербеля; много строил в Петербурге, в 1733—1738 годах построил новое каменное здание Литейного двора.

«После того как церковь была переведена на другое место, неподалеку от прежнего, при Елизавете I в 1743 г. был выделен земельный участок для каменной церкви св. Сергия, и она была освящена 24 сентября 1746 г.; на этой церемонии присутствовала сама императрица»²⁰, — отмечает фон Реймерс.

Вновь созданная каменная церковь с одноярусной колокольной действовала до конца XVIII века, когда на ее месте архитектором Ф. И. Демерцовым был возведен храм в виде базилики с тремя приделами, двухъярусной колокольной и большим куполом. «Новый кафедральный собор и главная церковь всей артиллерии (покровителем которой является св. Сергий), что стоит на Большой Литейной улице недалеко от Арсенала, рядом с Артиллерийской экспедицией, и в основание которой Екатерина II 25 сентября 1796 г. заложила камень, торжественно освящена его преосвященством митрополитом Новгородским и Петербургским Амвросием при Павле I 5 июля 1800 г., — продолжает фон Реймерс. — Инспектором всей артиллерии был тогда генерал и кавалер Корсаков. Имя строителя этой церкви св. Сергия, украшенной стройным порталом и куполом хороших пропорций, — Демерцов»²¹.

¹⁸ Степанова Ильмира. Молитесь, депутаты // Вечерний Петербург, № 209, 09.09.1992. С. 1.

¹⁹ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 341.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

Внутреннее убранство храма отличалось «простотой и строгим изяществом». Его стены украшали изображения евангелистов и картины, посвященные сюжетам из жизни преподобного Сергия Радонежского. В соборе хранились реликвии, связанные с историей русской артиллерии, а также церковные облачения, сшитые из мундиров императрицы Екатерины II, в которых она принимала военные парады. При храме действовало приходское Сергиевское братство со школой и приютом для призрения бедных детей, проводились духовные беседы, имелся народный хор²².

«Эта старая каменная церковь стоит и поныне позади новой церкви св. Сергия, — отмечал фон Реймерс в 1805 году. — Указом от 17 декабря 1803 г. инспектору артиллерии генералу графу Аракчееву император подтвердил права Сергиевской церкви, и со времени этого указа она получила имя собора всей артиллерии»²³.

...В 1932 году Сергиевский собор был закрыт и через некоторое время разобран. Часть несущих стен использовалась при строительстве на месте собора административного здания ОГПУ, получившего среди горожан неофициальное название «Большой дом». Ныне в нем располагается информационный центр Главного управления МВД, его приемная, а также приемная управления ФСБ по Петербургу и Ленобласти. В 2004 году на здании установили мемориальную доску в память о существовавшем здесь «артиллерийском» храме²⁴.

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР

Спасо-Преображенский собор был собором лейб-гвардии Преображенского полка — первого русского гвардейского полка. Он находится рядом с Литейным проспектом — местом, где издавна располагались казармы преображенцев. В 30-е годы XVIII века на этом месте был полковой двор гренадерской роты этого полка. Именно там дочь Петра I цесаревна Елизавета молилась об обретении престола, «беззаконно похищенного» у нее правительницей Анной Леопольдовной. Через несколько дней после вступления на престол Елизавета решила построить на этом месте храм в знак благодарности Богу за оказанную ей великую милость. В 1743 году был заложен каменный храм во имя Преображения Господня.

Первоначально храм был возведен в период с 1743-го по 1754 год по проекту архитектора Михаила Земцова на месте съезжей избы (штаба) гренадерской роты лейб-гвардейского Преображенского полка в память о восшествии императрицы на престол с помощью солдат и офицеров этого полка. Закладка трехпрядельного собора состоялась 9 июня 1743 года. В сентябре того же года М. Г. Земцов скончался, и строительство храма продолжил его преемник. «Около этого времени в Петербурге оказался итальянский граф Растрелли, превосходный архитектор и добропорядочный человек, который, несмотря на большое количество императорских и частных построек, коих строительством он руководил и тем мог обогатиться, оставил по себе средства, едва достаточные для погребения, — пишет фон Реймерс. — Вскоре после восшествия на престол императрицы в память этого счастливого события на месте, где она в ту памятную ночь собственной персоной призывала на помощь солдат Преображенской гвардии, он возвел каменную церковь Преображения Христова, стоящую и ныне на Литейном дворе и принадлежавшую Преображенскому полку»²⁵.

²² Манойленко Анна, Манойленко Юрий. Собор всей артиллерии // Санкт-Петербургские ведомости № 109 (5482), 19.06.2015. С. 5.

²³ Реймерс Генрих фон. Указ. соч. С. 341.

²⁴ Манойленко Анна, Манойленко Юрий. Указ. соч. С. 5.

²⁵ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 181.

Действительно, В. В. Растрелли принимал участие в создании внутреннего убранства храма: московские мастера по эскизу Растрелли создали золоченый пятиярусный иконостас. Но в данном случае Генрих фон Реймерс допустил неточность: не граф Растрелли, а архитектор Пьетро Трезини руководил строительством собора после смерти Михаила Земцова. В 1745 году согласно указу императрицы Елизаветы Петровны Трезини переделал проект «таким подобием, как в Москве на Успенском соборе», в результате чего Преображенский собор стал первой пятикупольной церковью в Петербурге. Собор был освящен архиепископом Сильвестром 5 (16) августа 1754 года в присутствии императрицы, накануне праздника Преображения Господня. 12 ноября 1796 года, во время царствования императора Павла I, полковой Спасо-Преображенский собор получил почетное название «собор всей гвардии».

8 (20) августа 1825 года возник пожар, и первый Спасо-Преображенский собор сгорел, но из него успели вынести все основные святыни. От собора остались лишь стены. В 1825—1829 годах он был восстановлен архитектором Василием Стасовым в стиле ампир. Именно в этом виде собор и дошел до наших дней. Восстановленный храм был освящен 5 (17) августа 1829 года митрополитом Серафимом (Глаголевским). Главный алтарь был освящен в честь праздника Преображения Господня, правый (южный) придел — в честь Преподобного Сергия Радонежского, а левый (северный) — в честь священномучеников Климента Римского и Петра Александрийского, день памяти которых отмечается 25 ноября (по старому стилю).

После революции 1917 года собор оставался действующим. В 1918 году он стал приходским, и знамена, орудия и военные трофеи, хранившиеся в соборе, были изъяты и переданы в Артиллерийский музей, а с 1950 года эти реликвии находятся в коллекции Эрмитажа. В 1920-х годах были изъяты также многие ценные иконы. Храм никогда не закрывался для богослужения; в 1920—1940-х годах в отдельные периоды находился в ведении различных «обновленческих» структур. С 1939 года, после закрытия храма Спаса на Сенной, был главным обновленческим храмом в Ленинграде. Во время ленинградской блокады в подвале храма было устроено бомбоубежище на 500 человек, в котором оказывали помощь раненым. После ликвидации обновленческого раскола собор перешел в ведение Московской патриархии.

ЗНАМЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

В 1765—1768 годах при пересечении Невского проспекта и Лиговского канала была построена деревянная церковь во имя Входа Господня в Иерусалим. В народе она получила название Знаменской по приделу, освященному в 1765 году в честь иконы Божией Матери «Знамение». Генрих фон Реймерс в своих записках упоминает об этом храме: «В Литейной части, у старого Охотничьего двора, который занимает большую, огороженную досками площадь у Невской перспективы и у Лиговского канала, частью открытую, частью лесистую, где виднеется еще ветхий деревянный Охотничий дом, в котором при Анне и Елизавете держали слонов и других редких животных, — у этого старого Охотничьего двора стоит деревянная, выкрашенная в зеленый цвет церковь Знамения»²⁶.

В 1794—1804 годах по проекту архитектора Ф. И. Демерцова церковь перестроили в камне. В 1809 году появились чугунная ограда и две часовни. «На Перспективе в конце правления Павла I начато строительство красивой каменной церкви, — продолжает фон Реймерс. — Однако закончено это строительство лишь при нынешнем

²⁶ Там же. С. 340—341.

монархе [Александре I]. У нее прекрасные порталы, большой купол в центре и четыре меньших купола вокруг него, все они покрыты белой жемчужью»²⁷.

По имени церкви («Знаменская») получили свои названия Знаменская площадь и Знаменская улица (ныне площадь и улица Восстания). Знаменским назывался и мост через Лиговский канал, расположенный по Невскому проспекту. Церковь еще действовала в первой половине 1937 года: в ней служили четверо протоиереев и двое протодиаконов. Церковь была разобрана в начале 1941 года. В 1955 году на месте церкви был открыт наземный вестибюль станции метро «Площадь Восстания». В 2007 году на стене вестибюля станции была установлена мемориальная доска в память о Знаменской церкви²⁸.

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ПУСТЫНЬ

Троице-Сергиева пустынь — первоклассный мужской монастырь на берегу Финского залива близ Стрельны — была основана в 1732 году архимандритом Варлаамом (Высоцким), настоятелем Троице-Сергиевой лавры, духовником императрицы Анны Иоанновны, которая в 1732 году подарила ему свою Приморскую мызу. Здесь архимандрит Варлаам разместил первую деревянную церковь во имя преподобного Сергия Радонежского²⁹.

Завет «любовью и единством спасемся» преподобный Сергей адресовал современникам и последующим поколениям соотечественников. Великий молитвенник много сделал для объединения русских земель. Он благословил благоверного князя Дмитрия Донского на битву с Мамаем на поле Куликовом. Преподобный Сергей считается наставником русского иночества: его ученики основали в России 50 монастырей. Одной из этих святынь стала Троице-Сергиева пустынь.

12 мая 1735 года Сергиевская церковь — первая церковь основанного Варлаамом монастыря — была освящена, а 5 июля 1735 года ее посетила императрица с придворными. Основатель монастыря архимандрит Варлаам умер в июле 1737 года и был погребен в основанной им обители. «Монастырь, или пустыня по Петергофской дороге, состоящая во втором классе, построена на приморском месте, во имя отца Сергия игумена, Радонежского чудотворца, — писал историограф А. И. Богданов. — Сия пустынька застроена при державе государыни императрицы Анны Иоанновны, архитектором Варлаамом Троицы Сергиева монастыря, и духовником Ея Императорского величества, в 1733 году, который, будучи здесь в Санктпетербурге преставился, и погребен в оной в 1737 году»³⁰.

Отец Варлаам был похоронен в специально построенной часовне рядом с Троицким собором. Так началась история монастырского некрополя. Со времен Екатерины II это «избранная усыпальница наших знатных, родовитых фамилий, — писал журнал „Русская старина“ в июле 1885 года. — Вид Сергиевой пустыни со взморья, эти высшие над купами дерев серебрястые купола с яркими блестящими крестами — подобие тихого пристанища на берегах житейского моря. Из гробниц весьма многие воздвигнуты над останками замечательных государственных деятелей минувших времен»³¹.

²⁷ Там же. С. 341.

²⁸ <https://ru.wikipedia.org/wiki>. Дата посещения 08.06.2021.

²⁹ Шульц С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994. С. 24.

³⁰ Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779. С. 449.

³¹ Цит. по: Степанова Ильмира. «Забвение о вечности» // Вечерний Петербург, № 167, 03.08.1994. С. 6.

В 1809 году тут появилась усыпальница рода князей и графов Зубовых с церковью Св. мученика Валериана (в память Валериана Зубова). При «Зубовской» церкви был устроен инвалидный дом для «неможных ветеранов». В этой усыпальнице впоследствии похоронили дочь А. В. Суворова Наталию Зубову — известную «Суворочку», а также дочь М. И. Кутузова Д. М. Опочинину. На территории обители покоились известнейшие фамилии: Аничковы, Апраксины, Толстые, Голенишевы-Кутузовы, Голицыны, Чичерины, Янушкевичи, Шаховские, Плещеевы, Данзасы, Кропоткины, Юсуповы, принцы и принцессы Ольденбургские, герои войны 1812 года. Здесь были погребены строитель Николаевской железной дороги П. А. Клейнмихель, архитекторы А. М. Горностаев и А. И. Штакеншнейдер, поэт И. П. Мятлев, сын Суворова Аркадий Александрович, граф П. А. Игнатъев, академик И. С. Норов, П. А. Ширинский-Шихматов, В. П. Безобразов, А. М. Горчаков, композитор А. А. Плещеев и многие другие, верой и правдой служившие Отечеству. Там, где хоронили монахов, можно было встретить, например, такую надгробную надпись: «Имел приятный басистый голос и первенствовал в хоре 15 лет»... Кладбище Сергиевой пустыни считалось одним из красивейших в Европе: аккуратные дорожки, прекрасные надгробия, возле которых горели лампадки. Здесь любили гулять горожане, слушая ангелоподобное пение лучших церковных певцов³².

Обитель была хорошо известна среди петербургского высшего света, сюда часто приезжали царственные особы. Ко дню памяти преп. Сергия Радонежского императрица Елизавета Петровна совершала паломничество. Всю дорогу полагалось пройти пешком, и каждый день она проделывала часть пути, возвращаясь на карете в Зимний дворец, а на следующий ехала к месту остановки и шла дальше.

В 1756 году в центре монастыря был заложен каменный пятиглавый соборный храм во имя Святой Троицы по проекту архитектора П. А. Трезини. Строительство продолжалось в течение семи лет, до 1763 года. В 1764 году монастырь перешел в управление Санкт-Петербургского епархиального ведомства. Он быстро рос, увеличивалось число монахов³³.

Завещание Екатерины II: «Буде умру в Царском Селе, то похоронить в погребальной церкви; в городе — то в новой церкви св. Александра Невского; в Петергофе, — то в *Сергиевой пустыни*, в Москве, — то в Донском монастыре»³⁴.

В 1834 году настоятелем пустыни стал 27-летний архимандрит Игнатий (Брянчанинов). Представитель древнего вологодского рода дворян Брянчаниновых до принятия монашеского сана получил блестящее образование, был знаком с Пушкиным, Гнедичем, Крыловым, Батюшковым, пробовал себя в литературе. Однако по совету оптинского старца выбрал иной путь. 24 года святитель Игнатий, ныне причисленный к лику святых Русской православной церкви, подвизался в Сергиевой пустыни. К нему приезжали за духовным утешением и советом композиторы Петр Турчанинов и Михаил Глинка, художник Карл Брюллов, о нем высоко отзывался Гоголь. Здесь святитель написал много глубочайших духовных книг.

К началу XX века на землях, отведенных монастырю, было построено семь отдельных каменных храмов с 11 престолами и четыре каменных часовни. Своим процветанием монастырь был обязан мудрой политике его наместника архимандрита св. Игнатия (Брянчанинова) и щедрым пожертвованиям представителей виднейших титулованных родов России: графов Зубовых, графов Кушелевых, князей Голицыных, Кочубеев и Юсуповых, а также потомков знаменитого богача и мецената Саввы Яковлева³⁵.

³² Там же.

³³ Шульц С. Указ. соч. С. 24.

³⁴ Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. СПб., 1874. С. 265 (Запись от 28 апреля 1792 г.).

³⁵ Шульц С. Указ. соч. С. 24.

«Под Стрельною, влево по дороге, путешественник видит первый греко-российский монастырь, святому Сергию посвященный, — писал Ф. Шредер в 1820 году. Он не будет раскаиваться, пробыв там несколько времени, осмотрев и гробницу фамилии графа Зубова и соединенный с тем инвалидный дом для двух офицеров и двадцати рядовых, содержимый щедро и с приличием на счет сей фамилии»³⁶.

Троице-Сергиеву пустынь, расположенную на пути в загородную царскую резиденцию, иногда посещали иностранные гости. Об одном из них пишет биограф св. Игнатия (Брянчанинова) В. Аскоченский: «В Великий Пост 1835 года, по предварительному уведомлению, Сергиеву Пустынь посетил французский посланник Барант, для чего был приготовлен в общей трапезе и постный стал такого рода, чтобы причудливый гость мог кушать его не морщась. В назначенный день прибыл Барант, стоял благоговейно всю службу, навестил настоятеля, расспрашивал о монастыре, об уставе и порядках монастырских, и очарованный умом и обходительностью хозяина, откровенно сознался, что он находит Церковь Православную ближе к древнеапостольской, чем свою, благодарил за удовольствие, доставленное ему отличным пением и вообще всем порядком.

Через довольно долгое время настоятель, по приглашению госпожи Барант, навестил посланника и остался у него обедать. Здесь, между прочим, произошел разговор между архимандритом Игнатием и учителем г. З.....го, готовившимся в аббаты, о разности вероисповеданий. Архимандрит деликатно отклонил от себя этот вопрос, заметив, что он не за тем сюда приглашен, и не может с ним говорить, так как противник его не читал тех книг, на которые он может указать ему»³⁷.

В 1840—1841 годах в России побывал англиканский архидиакон Уильям Пальмер († 1879), вице-президент колледжа Св. Марии Магдалины. Задачей всей своей жизни он считал воссоединение Англиканской церкви с Восточной православной. В 1882 году в Лондоне был опубликован «Дневник первого путешествия в Россию» Уильяма Пальмера (Notes of a visit to the Russian Church, by the late W. Palmer, L. 1882). Выдержки из этой книги, посвященные пребыванию Пальмера в Троице-Сергиевой пустыни, изложил профессор Санкт-Петербургской духовной академии А. П. Лопухин (1852—1904) (Приложение 1).

В 1855—1857 годах на средства графини Е. Д. Кушелевой Штакеншнейдер построил над могилой ее мужа Г. Г. Кушелева небольшую изящную церковь в русско-византийском стиле во имя св. Григория Богослова. В народе ее называли «Кушелевской». А в 1863 году над могилой княгини М. И. Кочубей возвели церковь Покрова Пресвятой Богородицы («Кочубеевская»), знаменитую своим куполом, копировавшим купол флорентийского собора.

В 1872—1884 годах, когда настоятелем пустыни стал духовный сын святителя Игнатия (Брянчанинова) архимандрит Игнатий (Малышев), тут построили храм Воскресения Христова — по проекту, который он составил совместно с архитектором А. А. Парландом (они являются и авторами знаменитого Спаса на Крови на канале Грибоедова). Говорят, настоятель долго бродил в окрестностях с лопатой и молился, пока не наткнулся на гранитную плиту. Из нее и были сделаны колонны для Воскресенского храма. Отец Игнатий — ученик Карла Брюллова — являлся почетным *общником* Академии художеств. Безвозмездно, за святое послушание, написал около 70 образов. В своих диалогах с одним из высокопоставленных чиновников говорил: «Мне за это ничего не дадут, да я бы и не просил ничего. А не дай-ка вам квартиру, жалованье, чин, награды, будете ли вы служить государству?» Похоронен он был в усыпальнице возведенного его трудами Воскресенского собора.

³⁶ Шредер Ф. Новейший путеводитель по Санктпетербургу. СПб., 1820. С. 8.

³⁷ Аскоченский В. Пресвященный Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский (Биографический очерк) // Домашняя беседа, вып. 24, 10 июня 1867. С. 688—689.

В начале XX века в монастыре было семь церквей, четыре часовни, а также келейные корпуса. Все это проектировали известные архитекторы Макаров, Горностаев, Растрелли, Трезини, Боссе. Обитель славилась своими святынями. Главной же была икона св. Сергия Радонежского с частицей мощей преподобного, написанная на доске от его гроба. При монастыре работала благотворительная больница для бедных, первая в России школа трезвости³⁸.

...Троице-Сергиева пустынь была закрыта и разграблена уже в годы Гражданской войны. В 1921 году ее настоятель игумен Сергей был расстрелян, монахи большей частью разогнаны, некоторые из них арестованы и сосланы в Соловецкий концентрационный лагерь. Последние 13 монахов жили в пустыни до ноября 1931 года. К этому времени в монастыре уже давно (с 1919 года) размещалась детская трудовая колония. Происходили как планомерные, так и разбойные вскрытия и разграбления могил на кладбище пустыни.

Окончательное разграбление и снос храмов начались после размещения на территории монастыря в середине 1930-х годов Школы переподготовки начсостава военизированной охраны промышленности ВСНХ СССР имени Куйбышева. Снос храмов был прерван Великой Отечественной войной: в сентябре 1941-го — январе 1944 года вблизи Стрельны проходила линия обороны города.

Варварское разрушение храмов монастыря завершилось уже после войны, в начале 1960-х годов, когда территория бывшей обители была передана средней специальной школе милиции Ленинграда. В эти годы были полностью или почти полностью разрушены все наиболее значительные храмы монастыря, в том числе и те, которые в первые послевоенные годы предполагалось реставрировать.

В 1962 году собор Святой Троицы — одно из наиболее поздних и замечательных творений великого Растрелли — был снесен, несмотря на все усилия, предпринятые для спасения здания общественными организациями города. Великолепный архитектурный ансамбль Троице-Сергиевой пустыни, один из самых замечательных монастырских комплексов России, практически перестал существовать. Полному разрушению и разграблению подверглось и существовавшее при монастыре кладбище; на его месте был размещен милицейский плац-парад³⁹.

С 1993 года, когда монастырь снова стал действующим, началась постепенная передача части исторических зданий Александро-Невской лавре. Монахи получили в свое распоряжение пять зданий. Реставрация шла довольно медленно, к 1998 году работы были закончены лишь в одном здании. «Мы двумя руками за восстановление этого красивейшего архитектурного комплекса, — заявлял начальник школы, кандидат юридических наук Геннадий Бондаренко. — Но переехать Школа милиции пока не может — вопрос о выделении новых помещений не решен. Курсанты и монахи стараются жить дружно, помогать друг другу».

В те годы силами школы был восстановлен склеп знаменитого канцлера России князя А. М. Горчакова — известного русского дипломата, управляющего Министерством иностранных дел. К 200-летию со дня его рождения здесь планировалось поставить ему памятник. Была найдена затоптанная могила семьи архитектора Штакеншнейдера. Когда в соборе совершалось богослужение, его было разрешено посещать и верующим курсантам. Во время церковных праздников, когда в монастырь приходит много верующих, курсанты школы охраняли порядок и покой (*Приложение 2*).

...Осенью 2003 года Троице-Сергиева пустынь отметила десятилетие возрождения монашеской жизни. 8 октября, в день памяти преподобного Сергия Радонежского, Бо-

³⁸ Степанова Ильмира. Указ. соч. С. 6.

³⁹ Шульц С. Указ. соч. С. 24.

жественную литургию в монастыре совершил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир. Многочисленные паломники прикладывались к иконе преподобного Сергия с частицей его мощей, привезенной в пустынь основателем обители Варлаамом Высоцким — духовником императрицы Анны Иоанновны, повелевшей заложить обитель на берегу Финского залива. В былые времена процветавший монастырь в 19 верстах от столицы Российской империи называли «лаврой близ Петербурга».

Приложение 1. Лопухин А. П. Пальмер о Русской Церкви // Странник, № 5, 1883. С. 59—68.

Во время своего пребывания в Петербурге Пальмер имел случай довольно близко познакомиться с жизнью Сергиевской Пустыни, находящейся в нескольких верстах от столицы, и воспоминания о ней занимают несколько глав в его книге. Там он близко сошелся с настоятелем Пустыни, известным архимандритом (Игнатием) Брянчаниновым, и несколькими монахами, говорившими по-французски, и в приятных беседах с ними провел несколько дней, изучая миросозерцание русского монашества и его обыденную жизнь.

В Сергиевскую Пустынь Пальмеру пришлось попасть на один из торжественных монастырских праздников, когда в нее прибывает много посетителей из столицы. Туда он отправился вместе с А. Н. Муравьевым, отслушал обедню, во время которой ему позволили стоять в алтаре, и затем участвовал в общей закуске и на обеде, приготовленном для посетителей гостеприимной братией Пустыни. Пальмер с видимым удовольствием отмечает эту общительность наших монастырей, с любопытством описывает «*riogoi*», которые он там ел, и «*quass*», который пил, замечая при этом, что, *quass* — самый любимый в России напиток, но совсем не хмельной, и если между русскими можно встретить очень много пьяных, то это зависит совсем не оттого, что русские любят *quass*, как сначала думал ученый английский богослов, а оттого, что они еще любят «*vodka*».

Благодаря любезности монахов, Пальмер получил в свое распоряжение отдельную келью, из которой он делал богословские экскурсии к архимандриту Брянчанинову и другим монахам. В своих беседах монахи обнаруживали более определенный и строгий взгляд на церковные отношения, чем какой встречал Пальмер дотоле, и даже некоторые черты корпоративной исключительности в миросозерцании. Когда в беседе с архимандритом и другими монахами вопрос зашел об отношении Церквей и Пальмер изложил свою теорию ветвей кафолических церквей, то его русские собеседники решительно отрицали эту теорию и утверждали, что их Церковь есть вся кафолическая Церковь, единственная Церковь, представляющая вселенские соборы и содержащая истинную православную кафолическую веру, целостную и неизменную, между тем как латинская община и все западные христиане повинны не только во второстепенных заблуждениях и злоупотреблениях, но и в ереси касательно учения об исхождении Св. Духа и от Сына, своевольно внесенного ими в Символ веры. Отступничество западного мира от истинной Церкви, по мнению собеседников Пальмера, произошло не сразу, а постепенно, в различные периоды. Они обвиняли латинян в искажении всех тех мест в творениях латинских отцов, живших до разделения, на которых основывается теперь латинское учение, и не верили тому, чтобы папа Лев III, осуждая вставку в Символ веры, в то же время допускал, как утверждают латинские писатели, что самое учение этой вставки истинно. Что касается отношения Церквей, то оно выражалось в общении их между собою по временам даже после обнаружения этой разности в доктрине, но это объясняется тем, что латинская ересь не получила еще своего полного развития, и притом латиняне при каждой попытке к воссоединению старались замаскировывать истинную сущность своего учения, а восточные, привыкши к общению и мало приходя в действительное соприкосновение с латинянами, благодаря различию в языке и обрядах, не могли сразу понять, что заблуждение сделалось общим и неисправимым на Западе.

— «Если это так, — возразил Пальмер, — то почему же вы доселе называете свою Церковь *восточной*, когда вы должны бы называть ее католической или Вселенской Церковью и должны бы в молитве и действии ревновать о наставлении и возвращении к истинному учению такой огромной части христианского мира, которая по вашему мнению, впала, в ересь?»

Надо заметить, что Пальмер, идеально настроенный оксфордской доктриной в отношении воззрения на Церковь и искавший католической или вселенской Церкви, постоянно приходил в немалое смущение, когда в беседах с русскими ему приходилось постоянно слышать от последних название своей Церкви не католической или вселенской, а просто восточной, русской, греко-русской или православной. Последнее название, на взгляд Пальмера, еще несколько указывало на католическое сознание, но оно в то же время было так общо и неопределенно, ввиду того, что всякая Церковь и община называет саму себя православной или правоверной (*orthodoxe*), — что в нем еще никак нельзя было видеть конкретного сознания католичности. Что же касается других названий, то они для идеально-настроенного слуха оксфордского богослова положительно звучали каким-то местным сепаратизмом, национальной и вероисповедной исключительностью, не имеющей ничего общего с католическим сознанием.

Но что еще более смущало Пальмера, так это то, что его русские собеседники постоянно прилагали священное для него название «католическая Церковь» не к своей Церкви, а к Римской, называя последнюю «католической» Церковью. Пальмер неоднократно указывает на это неправильное словоупотребление, говорит, что оно обнаруживает полнейшее несоответствие мысли и слова и питает гордое чувство латинян, которые в этом видят невольную дань уважения со стороны восточных схизматиков к истинно-католической т. е. Римской Церкви. Словоупотребление это у русских так однако укоренилось, что замечания Пальмера не сразу были понимаемы его русскими собеседниками, и только после развития Пальмером его теории католичности начинались объяснения, в свою очередь мало понятные английскому богослову, что на русском языке слова *католический* и *католический* имеют особый специфический смысл, отличный от первоначального греческого смысла этого слова.

На высказанный теперь Пальмером упрек в узком национализме, который будто бы выражается в названии Православной Церкви восточной, монахи основательно отвечали: «Наша Церковь есть воистину вся Православная католическая Церковь и она так отличительно называет себя; а название восточная, употребленное теперь нами, не обозначает, какого либо пространственного ограничения, как это было некогда, а скорее означает историческое и местное происхождение, потому что христианство происходит с востока: *Ex Oriente lux*; мы молимся к востоку, мы ожидаем Христа с востока и Сам Христос есть прореченный Восток. От запада отвращается ослепленный, когда он должен креститься и отрекаться таким образом царства тьмы».

На это со своей стороны английский богослов сказал:

— «Если это так, то вы должны бы послать миссионеров для обращения нас. И однако не представляется ли очень трудным предполагать, что половина видимой Церкви действительно тысяча лет тому назад впала в ересь, и при всем том, в течение стольких веков, не только продолжала существовать, но и возросла далеко больше истинной Православной Церкви, так что теперь относится к ней как две трети к одной трети? И притом произвела стольких мужей замечательной святости, показала столько могучей и разнообразной энергии и пережила столько бурь и лишений со времени отделения?» На эту тираду Пальмер услышал от своих собеседников в ответ, что они не признают за Западной Церковью, со времени ее отделения, ни святых, ни чудес; но, тем не менее, они признавали за нею некоторое церковное существование и сравнивали ее с десятью коленами израильскими, отделившимися от царства Иудейского, и даже намекали на возможность, нового вселенского собора, который бы восстановил единение. По их мнению, Римская Церковь, с папой во главе, могла бы со временем восстановить свои полные права и свое место во Вселенской

Церкви, если бы она исправила свои ошибки и подчинилась опять вселенским канонам, против которых она восстала.

Вникая во внутреннюю жизнь русского монастыря, Пальмер замечал в ней преобладающее господство духа аскетизма, вытекавшего не из склада внешних условий жизни, а из самых склонностей его обитателей. Сам настоятель Пустыни, сменивший блестящий военный мундир на монашескую мантию, был строгим аскетом по призванию, и аскетическое богословие, по наблюдению Пальмера, было его любимым предметом. При наблюдении у английского богослова не преминула проскользнуть западная теория монашества, и он любопытно узнал о литературных и педагогических трудах обитателей монастыря. На это русские монахи отвечали ему, что у них мало книг в библиотеке и научная деятельность не относится к их прямой обязанности, что их дело не заниматься ученой или вообще какой-нибудь деятельностью, хотя бы на служение религии, но отправлять богослужение и жить прежде всего для спасения своих собственных душ и затем также молиться об остальном мире.

Когда же затем Пальмер выразил мысль, что гораздо лучше было бы обратить некоторые из монастырей в ученые и деятельные общины, то монахи настойчиво повторяли, что молитва и благочестие гораздо действительнее всякой учености и деятельности всякого рода. Если Пальмер верно передал эти мысли своих собеседников (некоторые выражения прямо обнаруживают тенденциозную прикрашенность, неизбежную для иностранца), то тут нельзя не видеть той косности богословской мысли, в какую впало наше монашество. Идея православного монастыря, как убежища для энтузиастических натур от грубых условий обывательской жизни, несколько не исключает науки, а напротив, в этом царстве духа и должна бы по преимуществу процветать наука и всякая книжная мудрость, так как тут мысль наиболее свободна от тяжелых цепей, которыми часто сковывает и тормозит ее обыкновенная практическая жизнь. Ведь было же на Руси время, когда наши монастыри стояли во главе умственных и литературных движений, и если теперь, с развитием общественного сознания, умственная деятельность специализировалась и нашла в самом обществе разнообразные органы своего проявления и развития, то богословская мысль все-таки должна бы иметь своим источником наши монастыри, и если в них в настоящее время оскудела богословская мысль, то это служит достаточным признаком их ненормального состояния. Этот недостаток умственной жизни в наших монастырях повел к той исключительности монастырского мирозерцания, по которому все монашеское стало подвергаться некоторому пренебрежению и подозрению.

Когда Пальмер заметил монахам, что Церковь нуждается не только в молитве, но и в умственной деятельности, то его собеседники, отстаивая свой взгляд, обнаружили некоторую неприязнь к современным требованиям умственной жизни. «Белое духовенство, — говорил один из них, — заражено либерализмом. Оно читает лютеранские и другие вредные иностранные книги, и сами епископы, хотя они теперь лучше, чем были в прошлом столетии, не сочувствуют монашеству в истинном смысле этого слова. Только пятеро из пятидесяти (между ними митрополит Киевский) покровительствуют монахам, и это потому, что, хотя по своему званию они сами монахи, но они большей частью академики и находятся под светскими влияниями».

А в другой раз эта исключительность монашеского мирозерцания выразилась еще резче. Когда речь зашла вообще о нравственном и религиозном состоянии внемонашеского мира, то монахи говорили Пальмеру: «Нравственность столицы достойна Вавилона; там идут театры, балы и маскарады, о которых не знали в России Петра I. Наше духовенство чрезвычайно легко поддается новым иностранным мнениям, читает книги неправославных и даже неверующих сочинителей, лютеран и других. Духовная Академия заражена новшественными началами, и даже (журнал СпбДА) „Христианское чтение“ заражено ими, хотя в нем и печатаются многие переводы из древних отцов. Россия, пожалуй, находится, насколько нам известно, недалеко от взрыва в ней еретического либерализма. У нас есть хорошая внешность:

мы сохранили все обряды и символ первобытной Церкви; но все это — мертвое тело, в нем мало жизни. Белое духовенство насильно сдерживается в лицемерном православии только боязнью народа».

Приведенные тирады отдают такой исключительностью, что даже кардинал Ньюман нашел нужным по поводу их сделать замечание, что «у всякого народа есть партии и классы со своими особыми *esprit de corps* (корпоративным духом), со своими традициями, антагонизмами и пр., и потому нельзя принимать буквально всего того, что говорили эти добрые монахи».

Но, благодаря этой именно исключительности, в сознании монашества тверже живет предание старого церковного строя и больше чувствуется уклонение от него. Когда на жалобу одного из монахов на то, что правительство отобрало у монастырей имущества, Пальмер выразил мысль, что было бы желательно опять дать монастырями имения, чтобы сделать их более независимыми от светской власти, то его русские собеседники ответили: «Э-э, в чем мы нуждаемся, так это — в патриархе. В настоящее же время Протасов у нас патриарх, хотя он и солдат, — и это потому, что он представитель государя. Он ездит по балам и театрам, прекрасно танцует и вообще *un tres galant homme* — но....».

Пальмер начал было объяснять, что граф Протасов по своему положению не что иное, как древнегреческий великий Логофет, но монах стоял на своем и говорил, что «при теперешнем порядке вещей если бы, например, *все* епископы восставали против какого-нибудь опасного нововведения, это было бы бесполезно, если только Синод не будет на их стороне; а если бы Синод вздумал под влиянием светской власти сделать что-нибудь вредное в церковном отношении, то этому пришлось бы подчиняться, только бы через это усилился раскол». Говоря о наличном составе Синода, монах находил дурным, что в число членов его допущены два священника, на равной ноге с епископами. «Единственным оправданием этого, — продолжал собеседник Пальмера, может служить то, что эти священники в Синоде могут быть полезными в качестве представителей женатого духовенства, при уяснении нужд, связанных с его состоянием, так как все остальные члены Синода монахи».

Заговорив о членах Синода, монах естественно не мог не охарактеризовать для иностранца самого замечательного в то время члена его, Филарета Московского. «Филарет Московский, — сказал он, — сделался архиепископом в 30 лет от роду, тогда как по регламенту Петра Великого монах в этом возрасте мог только сделаться иеромонахом. Он тонок и изворотлив, так что может весь Синод повертывать вокруг своих пальцев и заставить его признавать черное белым. За что бы он ни взялся, все будет сделано, то есть — если одобрит граф Протасов. Он необыкновенно хорош на своем теперешнем месте, именно на втором; но сохрани нас Бог, чтобы он сделался митрополитом Петербургским! Он честолюбив, и я опасуюсь, что если бы граф Протасов задумал какое-нибудь нововведение, он стал бы на его сторону и повлек бы за собой всех остальных. Но он совершенно православен. Старый митрополит Серафим — нуль. Митрополит Филарет Киевский — покровитель монахов, превосходный и строго православный человек, но любящий уединение и некрасноречивый».

Муравьев ведет строгую жизнь, отличную от других, и, пожалуй, недалеко от вступления в монашество. Он товарищ обер-прокурора, а быть товарищем обер-прокурора лучше, чем быть архимандритом, или даже чем епископом, даже архиепископом или митрополитом», — смеясь, шел в быстрой прогрессии собеседник Пальмера. Вообще, по его мнению, теперешние отношения между Церковью и государством в России далеко уклонились от своего идеала, который некогда был осуществлен в истории. «Истинный тип и *beau ideal* должных отношений между Церковью и государством, по его взгляду, был представлен в России патриархом Филаретом и царем Михаилом, когда светская власть была у сына, а почтение, уважение и искреннее послушание, должные отцу, были вполне ему оказываемы».

В таких беседах Пальмер провел несколько приятных дней в Сергиевской Пустыне. Монахи со своей стороны заинтересовались ученым иностранным богословом

и засыпали его расспросами об особенностях Англиканской Церкви. Признает ли она таинства и сколько именно? Как совершается евхаристия — на опресноках или квасном хлебе? Причащение дается под одним или обоими видами? Какое одеяние, у англиканского духовенства, какого рода митры, кресты, свечи? Употребляется ли фиамм при богослужении? Признается ли призывание святых, почитание икон и мощей? Эти и многие другие подобные вопросы интересовали русских собеседников Пальмера, и они наверно немало дивились, когда англиканский богослов с грустью отвечал, что Англиканская Церковь благодаря постоянным протестантским насилиям и другим влияниям совершенно лишилась большей части упомянутых церковных принадлежностей.

Одной из главнейших задач оксфордского движения было именно восстановление в Англиканской Церкви утраченных ею старых церковных форм, за которыми оксфордские ученые признавали великое воспитательное в религиозном отношении значение, и потому Пальмер с любопытством занес в свой дневник рассказанный настоятелем пустыни случай, свидетельствующий о таком именно значении церковных форм. Однажды, рассказывал архимандрит, священник одного из С.-Петербургских приходов, где жил лютеранский суперинтендент (благочинный), позван был в дом суперинтендента отслужить благодарственный молебен по какому-то семейному случаю. Священник конечно предполагал, что молебен нужен был кому-нибудь из русских квартирантов этого дома, но каково же было его удивление, когда он узнал после, что молебна желал сам лютеранский суперинтендент. Когда священник выразить свое удивление, то тот отвечал: «Ах, батюшка! у нас нет ни одного из тех утешений, какие можно найти в ваших обрядах и церемониях».

В заключение наконец Пальмер попробовал коснуться вопроса об (молитвенном) общении. С этой целью он спросил архимандрита, не может ли он принять от него милостыню на монастырь, с тем, чтобы молиться за Англиканскую Церковь — об избавлении ее от врагов и соединения ее с Восточной Церковью. Архимандрит отвечал, что он не может сделать этого, не спросив предварительно обер-прокурора и Синод.

— «Но ведь вы принимаете милостыни от частных лиц или от семейств и молитесь о спасении их душ; отчего бы вам не сделать того же и для Церкви Англиканской или кого-нибудь из ее членов, желающих этого?»

— «Нет, — сказал решительно архимандрит, — это невозможно. В деле, касающемся других Церквей, мы ничего не можем делать без разрешения епископа и Синода. Мы каждоденно молимся о соединении Церквей, но особая молитва — иное дело. Если бы состоялось соединение Восточной и Англиканской Церквей, мы возрадовались бы больше, чем воссоединению униатов. Мир не был бы более разделенным».

— Чтобы начать это дело, нужно научиться серьезно, желать его и молиться о нем, — сказал Пальмер.

— Вы вот отправляетесь теперь в Петербург, и Бог да споспешествует вам в этом, — на прощанье сказали монахи своему чужеземному гостю.

Приложение 2. Степанова Ильмира. «Забвение о вечности» или Метаморфозы Сергиевой пустыни // Вечерний Петербург, № 167, 03.08.1994. С. 6.

Расстрелянная Богородица

<...> В 1919 году церковную утварь конфисковали, однако нескольким монахам еще разрешили жить при монастыре. Практически весь ценнейший комплекс передали красноармейцам. В «Зубовской» церкви разместили мастерские, уничтожив здесь все захоронения. В нише надвратной церкви лик Богородицы был расстрелян из пистолета. Его закрыли портретом Ленина. А вместо цитаты из Евангелия повесили лозунг: «Учиться, учиться и учиться».

В 1930 году Сергиеву пустынь (к тому времени ее переименовали в поселок Ленина) заняла Объединенная школа переподготовки начсостава. Тогда же старший инспектор по музеям ходатайствовал об уничтожении монастырского кладбища: «В настоящее время, вследствие значительных расхищений и разрушений надгробных памятников и полной необеспеченности их сохранности, нет оснований считать кладбище под такой же охраной, как другие... Поставлен на очередь вопрос об уничтожении означенного кладбища и приспособлении зданий для культурных, учебных, и хозяйственных целей. Управление Уполнадкомпроса просит Главнауку снять пустынь с госохраны». Предусматривалось оставить лишь 22 «особо выдающихся надгробных памятника».

В том же 1930 году начальник управления Ленпромокрuga писал председателю РВС ЛенВО: «Наличие на территории школы не закрытых церковей может вредно отразиться на жизни и быте курсантов, а с другой стороны, вызвать ряд эксцессов и нежелательных явлений, нарушающих нормальную учебу и воспитание бойцов. Соседство военной школы и очага религиозного мракобесия создает возможность проникновения в среду курсантов вредных и классово чуждых элементов, что является противопоставлением всем существующим партийным и советским директивам по религиозному вопросу. На основе изложенного прошу вашего распоряжения о расторжении договора с двадцаткой верующих, а также о ликвидации монастырского кладбища, где в свое время были похоронены представители аристократии, посещаемое целыми группами бывших людей, использующих имеющиеся на кладбище ценности (чугун, гранит и железо) для нужд промышленности». Буквально через несколько дней председатель президиума Ленинградского округа Шкивиров подпisał решение о передаче в Госфонд «ценностей с кладбища». Так, по базарному листку №141 коммуной «Красный хутор» куплена медь. В справке пояснение. «Медь в количестве 225 кг является фигурой льва» (с надгробного памятника).

Верующие пытались остановить это безумие. Они писали, обращаясь к городским властям. «Уничтожение кладбища для устройства спортивной площадки ничем не оправдывается, тем более что кругом — необъятный простор полей. Почему планируется сохранить только 22 могилы? Разве можно испытывая естественное чувство уважения к покойнику срывать его могилу только потому, что над ней стоит не художественный мраморный, а простой деревянный крест?» Но у представителя РИКа были другие взгляды: «С этим (с закрытием обители) считаться не приходится: мы будем сейчас воевать со всем миром, и помещение для военной силы необходимо. Кладбище должно быть закрыто. т. к. тут похоронены графы и князья. Монастырь надо ликвидировать, а банду черносотенцев разогнать». Разумеется, все так и произошло.

В годы войны тут находился немецкий штаб, руководивший артобстрелами Ленинграда. А после войны — детская колония «Труд». В 50-х взорвана «Кочубеевская» церковь (сейчас на ее месте — кафе «Застава»). В 1962 году по распоряжению одного из начальников Управления внутренних дел уничтожен главный растреллиевский Троицкий собор. Снесен Воскресенский, в усыпальнице которого покоился архимандрит Игнатий (Малышев), а также министр народного просвещения Норов, историограф пустыни Яковлев, более 50 лет проживший здесь простым трудником, так и не приняв монашеского сана. Гранитные колонны, оставшиеся от Воскресенского храма, использовали в качестве основы для открытой эстрадной площадки... Часовня на берегу Иорданского озера, где хранилась древняя Руднянская икона Божией Матери была разрушена и бульдозерами сброшена в воду. На фундаменте другой часовни устроена полевая кухня. Уцелевшие здания перестроили, надгробия снесли «для свободного проезда». Пустынь заняла средняя школа милиции.

«Моя милиция»

На месте бывшего кладбища сейчас заасфальтированная площадка для строевой подготовки. Ну и маршируют себе курсантики по костям. Асфальт часто провали-

вается. Из огромного множества захоронений сохранились лишь склеп Чичериных (наверное, потому что вместительный, — тут хранят лопаты, метлы и прочий инвентарь) да крест над могилой Горностаева. Все.

Возле плаца, как и положено, трибуна для речей. Из черного мрамора с несколькими ступеньками. Это основание надгробия сына Суворова. В стороне — старинный надгробный камень с водруженной сверху красной металлической звездой символизирует память о всех красногвардейцах, погибших при наступлении «банд Юденича».

Среди травы и сорняков лежит простая плита из серого камня. Без надписей. Чья-то добрая рука положила на нее цветы: тут покоится Андрей Иванович Штакеншнейдер. Приезжали музейные работники, изучали планы, произвели раскопки — действительно лежит. Кто-то из них забрал голову великого зодчего. Может, в качестве экспоната?

Открытую эстрадную площадку — ту, что с колоннами от Воскресенского собора — давно разобрали. Часть их валяется на хоздворе, а одну приспособили под фонтан. Нелепое зрелище: отполированный, редкой красоты гранит, а вокруг — дешевая кафельная плитка, грубый бетон и ржавые водопроводные трубы. К тому же фонтан давно не работает.

Совсем недавно несколько уцелевших построек пустыни переданы верующим. Но другие (надвратную церковь Саввы Стратилата и мученика Валериана в Zubовском корпусе) по-прежнему занимает средняя школа милиции. Сохранился (правда, в плачевном состоянии) использовавшийся под клуб храм-базилика преподобного Сергия Радонежского — почти точная копия с храма Преображения на Синае VI века — архитектора Горностаева. Нынче тут совершаются службы. Монастырским снова стал и храм Григория Богослова («Кушелевский»), но здесь не служат: слишком запущен, нет отопительной системы. Кстати, милицейские чины нашли любопытное применение этой церкви. Она использовалась под... учебный магазин. По бокам — две железные лесенки ведут наверх, где что-то вроде круговой смотровой площадки. На стене остались надписи: «Контрольные весы», «Стол для покупок». Курсанты играли тут в магазин и бандитские нападения. Одни изображали продавцов, которые обманывали покупателей, но бдительный страж порядка должен был это заметить; другие — ворвавшихся грабителей, которых надо было грамотно обезвредить. Командиры сверху за всем этим наблюдали и ставили оценки... В усыпальнице же Кушелевых, что в крипте, — почти помойная яма.

Церкви передан также корпус настоятеля (единственное место, где можно поселить монахов и послушников), но из-за размороженных батарей братия с трудом перезимовала прошедшую зиму. Когда школа милиции покидала это здание (между прочим, памятник архитектуры республиканского значения), вырвали «с мясом» и унесли все, что только можно было: дверные ручки, замки, выключатели, лампочки и даже двери. «После нас хоть потоп» — звучит тут в буквальном смысле: был затоплен весь подвал.

В келье с окнами на залив, где святитель Игнатий (Брянчанинов) писал свои книги, стойкий запах табака и гуталина. Чтобы его перебить, на электроплиту бросили горстку ладана... Но, слава Богу, комната эта сохранилась. Теперь в ней живет нынешний настоятель — иеромонах Николай (Парамонов). Когда я приехала в пустынь, встретила его на дорожке со старым сломанным пресс-папье в руках.

— Вот, для будущего музея собираю. Как-то нашел пепельницу, сделанную из желтого каррарского мрамора одной из снесенных церквей. А это пресс-папье — видите? — то ли из надгробного памятника, то ли из иконостаса...

Впрочем, к милиционерам отец Николай относится беззлобно (мол, чего теперь... Столько лет лепили «новых» людей, они уж и не ведали, что творили, иначе ужаснулись бы). Вот долго не выезжал один из начальников из корпуса настоятеля, и он не ругался, а просто повесил на его двери табличку: «Рухольный» (была раньше в монастырях такая должность, вроде старьевщика)... Словом, «соседство военной шко-

лы и очага религиозного мракобесия» носит вполне мирный характер. Отец Николай иногда даже приглашает командиров на чаек и ведет с ними философские беседы.

Всякое семя дает всходы. Настоятель с гордостью продемонстрировал мне «плод покаяния милиции» — новенький деревянный нужник. А история такая. Как-то на церковный праздник в пустынь съехалось много народу. Просили, умоляли милиционеров пожалуйста, не закрывайте на выходные штаб, где у вас туалеты. Ни в каку: там же секретные документы, оружие, казенное имущество. Ну а после праздника отец Николай снова пошел к командирам: «Мы хоть и монахи, можем не есть, не спать, но в туалет ходим. И бабульки, хоть и набожные, такую слабость имеют». И тогда курсанты ударными темпами за несколько часов воздвигли для бабушек и прихожан аккуратный туалет.

Если со средней школой милиции, с которой приходится делить обитель, тренинга пока еще бывают, то с другой — высшей школой милиции (она расположена за оградой пустыни в зданиях советского периода) — полное взаимопонимание. Начальником там генерал Аркадий Крамарев который всегда, чем может, старается помочь монастырю. Настоятель так и говорит: «Крамарев — золотой человек».

Кладбище — по всей территории пустыни. Теперь тут лопухи да бурьян, огороды и свинарник. Но ведь мертвые не уходят... Кстати, о. Николай знает, где чья могила была, собирает архивы. В церкви постоянно поминают имена тех, кто покоится в земле Троице-Сергиевой пустыни. С перечнем всех титулов и наград. Поминают каждый день.

Недавно был случай. Приехала в пустынь старая женщина. Отыскала настоятеля, со слезами тихо сказала:

— Грех на мне, батюшка. Перед войной, когда в этом храме клуб был, я здесь отплясывала. Тут такое творилось! А потом двоих сыночков на войне убило. Всю жизнь хотела приехать, покаяться. Я ведь давно в Вильнюсе живу. Теперь до России — аж две границы. Но я добралась — специально, чтобы прийти сюда.

Вряд ли она знала, что стояла и говорила это в келье, где святитель Игнатий Брянчанинов написал когда-то: «Что приводит к нарушению, к попранию заповедей Христовых? Забвение о вечности, забвение о смерти, забвение того, что мы — кратковременные странники на земле. Сознанием грехов моих, раскаянием в них, исповеданием их, сожалением о них повергаю все бесчисленное их множество в пучину милосердия Божия».